МАТЕРИАЛЫ

DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-160-186

Т. С. Канева (Сыктывкар)

Прозаические нарративы об Илье Муромце в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина

T. S. Kaneva (Syktyvkar)

Prose Narratives about Ilya Muromets in the Ust'-Tsilma Collection of the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот сюжеты об Илье Муромце в прозаических нарративах из Усть-Цилемского собрания Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Тексты записаны в 1986, 1988, 1990, 2007 гг. от трех рассказчиц. Это сказка, построенная на сюжетах об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении «царя» от орды (три варианта записи), краткий пересказ сюжета об исцелении богатыря (один вариант записи) и отрывочные припоминания этого же сюжета (два варианта записи).

Ключевые слова: *Усть-Цильма, Илья Муромец, нарратив, сказка, пересказ сюжета*

Abstract

The publication introduces into scientific circulation the plots about Ilya Muromets in prose narratives from the Ust'-Tsilma collection of the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. The texts were recorded in 1986, 1988, 1990, and 2007 from three storytellers. This is a folktale based on the stories about the

healing of Ilya Muromets, his victory over the Solovey-Razboinik, and the deliverance of the Tsar from the pagans (three text versions), a brief retelling of the stories about the healing of the hero (one text version) and fragmentary recollections of the same stories (two text versions).

Keywords: *Ust'-Tsilma, Ilya Muromets, narrative, folktale, retelling of the plot*

В корпусе печорских былин «Свода русского фольклора» в качестве пересказа былины об Илье Муромце опубликован текст, записанный в 1980 г. экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова в Усть-Цилемском районе Республики Коми от Марфы Алексеевны Семеновой (1917 г. р.)[1]. Текст построен на сюжетах об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении «царя» от орды. Исполнительница назвала текст сказкой (БП, т. 1, с. 693).

Собиратели Сыктывкарского университета также встречались с М. А. Семеновой, причем не один раз (зимой 1986 г., в апреле и в ноябре 1990 г.), и в результате в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива вуза имеются три варианта «Ильи Муромца» в ее исполнении. Общая характеристика этих текстов уже представлена нами ранее[2], цель же данной публикации – ввести их в научный оборот вместе с другими прозаическими пересказами сюжетов о главном богатыре русского эпоса из коллекции СГУ им. Питирима Сорокина.

Оценивая довольно большой корпус материалов, собранных сотрудниками и студентами Сыктывкарского университета в Усть-Цильме (1980–1990-е гг., 2005–2023 гг.), приходится признать, что не только богатырские сказки, но и пересказы былинных сюжетов принадлежат к числу редчайших записей. Кроме сказки М. А. Семеновой, нами выявлено еще три текста от двух рассказчиц – жительниц с. Трусово на реке Цильме Февру́сы Федоровны Ермолиной и д. Гарево на реке Печоре Агафьи Васильевны Хозяиновой. Это фрагментарные пересказы истории об исцелении Ильи Муромца, а в случае с записями от Ф. Ф. Ермолиной (тексты № 2.1 и 2.2 в настоящей публикации), особенно второй по времени (№ 2.2), мы, скорее, имеем дело с обрывочным припоминанием сюжета, нежели с его рассказыванием или даже пересказом. Однако ценность данных текстов состоит в том, что они в любом случае представляют собой

[1] Былины Печоры (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. / Отв. ред. А. А. Горелов). Т. 1. СПб.; М., 2001 (далее – БП). № 57.

[2] *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце в исполнении М. А. Семеновой на фоне местной традиции // Словесность и история. 2023. № 3. С. 193–207.

свидетельства затухающей эпической памяти, а кроме того, не лишены и интересных деталей.

Отметим, что ни одна из рассказчиц не принадлежит к кругу знатоков былин, хотя М. А. Семенова и Ф. Ф. Ермолина упоминали о ста́ринах в связи с репертуаром родителей и односельчан и наверняка слышали их, а М. А. Семенова вполне уверенно различала былины и сказки[3]. При этом от нее собирателями обоих вузов зафиксировано еще три сказочных сюжета («Марфа Прекрасная, Иван и два брата», «Девушка и разбойник», «Самодин-семизубка»).

Вообще из трех названных исполнительниц наиболее интересный в фольклорном отношении и разнообразный репертуар был зафиксирован именно от Марфы Алексеевны Семеновой[4]. Кроме сказок, в архивах Московского[5] и Сыктывкарского университетов хранятся сделанные от нее записи загадок, колыбельной, святочного величания (семейное виноградье); собиратели МГУ записали также причитание по мужу, плясовую и довольно оригинальную «солдатскую» песни[6]. В сыктывкарских материалах представлены колядка, мифологические и историко-легендарные нарративы, рассказы фольклорно-этнографического характера (всего 75 единиц записи[7], не считая еще нескольких традиционных

---

[3] Подробнее см.: *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце... С. 196.

[4] Далее повторим некоторые характеристики репертуара исполнительницы, представленные в статье: *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце...

[5] Архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (далее – АКФ МГУ), ФЭ-12: 4–10–1980. Т. 18. № 192–195; Т. 1. № 249–268.

[6] АКФ МГУ, ФЭ-12: 4–10–1980. Т. 18. № 195. С. 6240–6245 (атрибуция ее в качестве солдатской – очевидно, собирателя), это своеобразный вариант песни «Уж вы сядемте, ребятушки, во единый круг» (см.: Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: Научное издание / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, А. Ю. Кастров, З. Н. Мехреньгина, Ю. И. Марченко, Е. А. Шевченко. М., 2008. № 9), записанный от М. А. Семеновой с зачином «Становитесь, ребятушки, во единый круг...», не имеющий аналогов в усть-цилемской традиции. Текст мог бы расцениваться как контаминация с сюжетом «Со Буянова славна острова поднималась птица млад ясен сокол» (Традиционная культура Усть-Цильмы. № 5), однако основное содержание варианта Семеновой далеко от этой песни, оно сосредоточено на развернутом описании «странствий» сокола и «птицы-пташицы», которые в старости не смогли летать и кормились благодаря «людям добрым» (Традиционная культура Усть-Цильмы. С. 308–309). Не исключаем, что песня была «рассказана», а не спета (в ней нет характерных повторов, словообрывов и т. п.), рукописный текст песни в архивной тетради насчитывает 72 условных строки.

[7] Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (далее –ФА СГУ): АФ 0306: 3–5; АФ 0307: 1–18; АФ 03103: 44–47; АФ 03104: 1–21; АФ 03107: 18–27; АФ 03108: 1–3; АФ 03114: 11.

песен в составе небольшого ансамбля); некоторые тексты опубликованы[8]. На наш взгляд, наиболее ярко М. А. Семенова раскрылась именно как рассказчица, которой интересны занимательные сюжеты. Для ее манеры повествования свойственны неспешность, различного рода повторы, желание пояснить непонятное (с ее точки зрения) молодому слушателю[9]. Даже в выборе песен для исполнения собирателям можно отметить ее особый интерес к житейско-драматическим «историям» – к балладно-солдатским сюжетам («Питер-Москву проезжали...», «Из палаты было белокаменной...», «Не во наших полях урожаю нема...», «За Дунаем за рекой там казак-от гулял...» и др.).

Февруса Федоровна Ермолина (1927 г. р.) пять раз становилась собеседницей собирателей Сыктывкарского университета (первая запись сделана в 1988 г.), в том числе два (в 2007 и 2008 гг.) – в экспедициях при участии В. В. Головина и студентов Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. В Усть-Цилемском собрании ФА СГУ хранится довольно большая группа аудиозаписей[10], отражающая разнообразные познания Ермолиной в области местной легендарной истории, календарных праздников и обычаев, скотоводческой и детской магии, от нее записаны загадки, колыбельная, приговоры домовому и при стегании детей вербой, приметы, легенда о рябчике[11] и др. Припоминания Феврусой Федоровной сюжета об исцелении и первом (крестьянском) подвиге Ильи Муромца – единственный след богатырского эпоса в ее репертуаре.

---

[8] *Канева Т. С.* Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 429–430. № 17; Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева; нотировки Т. А. Кочневой; Науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2008. № 1, 222, 360, 438; Усть-цилемская фольклорная традиция: Справочно-библиографическое мультимедийное издание / Авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар, 2013 [Аудиоальбом: Фрагмент сказки об Илье Муромце; рассказ об Ивановом дне и Иване из Тобышского скита]; *Канева Т. С., Сомсиков Р. А., Шомысов Д. И.* Усть-цилемские «лесные» рассказы (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. XXIV (2016). № 1. С. 202–203: № 10, 11; *Афанасьев А. В., Канева Т. С.* Голоса над Печорой: иллюстрированная антология усть-цилемского фольклора. М.; Сыктывкар, 2020. С. 179.

[9] На материалах СГУ была выполнена студенческая выпускная работа, тезисы доклада см.: *Наумова О. В.* Усть-цилемская исполнительница М. А. Семенова: особенности репертуара и стиля // Человек и окружающая среда. XI Коми республиканская студенческая научная конференция, посвященная общероссийским дням защиты от экологической опасности: программа и тезисы докладов. Сыктывкар, 2001. С. 104–105.

[10] ФА СГУ: АФ 0344: 25–45; АФ 03235: 17-101; АФ 03274: 93, 95, 97; АФ 03280; АФ 03455.

[11] См.: *Афанасьев А. В., Канева Т. С.* Голоса над Печорой. С. 35.

То же можно сказать и об Агафье Васильевне Хозяиновой (1897 г. р.), с которой в 1988 г. беседовал Алексей Алексеевич Бильчук (тогда – студент филфака), нацеленный на сбор материала об исполнителях былин. А. В. Хозяинова вспомнила об игровых молодежных собраниях, о «горке» и других праздниках, легендарное предание об Иване и Поликарпе-младенце из местного старообрядческого общежительства (на реке Тобыш), фрагментарно пересказала похоронно-поминальные и проводное причитания; вместе с другой собеседницей (вероятно, дочерью или невесткой) она рассказала также несколько историй о гаревской еретнице[12]. К слову сказать, о бытовании былин в д. Гарево, где родилась и проживала А. В. Хозяинова, известно лишь по записям Н. П. Леонтьева 1940 г. от одного исполнителя – Семена Антоновича Хозяинова (БП, т. 1, № 6, 47).

* * *

Тексты публикуются по аудиозаписям 1986, 1988, 1990, 2007 гг., хранящимся в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина, в хронологическом (относительно фиксации) порядке. Расшифровки выполнены З. Н. Мехреньгиной и Т. С. Каневой, подготовлены к публикации Т. С. Каневой.

Знаком Z в текстах показаны технические паузы во время аудиозаписи (включение / выключение магнитофона); в квадратные скобки курсивом заключены вопросы собирателей, в угловых скобках показаны неразборчивые слова, а также восполнения сокращенных в живой устной речи слов. Слово «говорит», обычно редуцируемое рассказчицами (типа «грит» / «горит»), передается полностью.

Автор публикации выражает свою глубокую благодарность Татьяне Григорьевне Ивановой и Александру Николаевичу Розову за консультации по вопросам, возникшим в ходе подготовки текстов к печати.

[12] ФА СГУ: АФ 0374: 1–13. Публикацию одного текста см.: *Канева Т. С., Шомысов Д. И.* Усть-цилемские рассказы об оборотничестве (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. XXIII (2015). № 2. С. 271. № 7.

1.1

Война начала́ся, это на ца́ря войной пошли, ца́рю деваться некуды:

– Ну, – говорит, – был бы стар казак Илья Муромец, может быть, он бы меня оборонил.

А жена-то знат, что он живой сидит, дак жена-та говорит:

– Надо, – говорит, – посмотреть его: может, он и жив сидит да?

А он и говорит:

– Эх, – говорит, – ты баба, до́лог волос да... <...> волос долог да у тя ум коро́ток. Может ли, – говорит, – человек столько лет, – говорит, – сидеть и тама-ка без едши[13] да это, в общем, в темноты?

Ну, ланно дак. А баба насто́ит, она:

– Всё же, – говорит, – надо посмотреть.

Царь и слуг послал:

– Слуги, – говорит, – сходите, – говорит, – откройте погреб: чё, – говорит, – он там – Как? Чё?

Слуги пошли с огнём, погреб открыли – он сидит, книгу Евангелё читат. Его попросили, говорят:

– Выйди из погреба, тебя царь зовёт.

Он даже головы не по́днял, не взглянул, всё сидит читат. Те постояли, попросили раз, два, три – он всё так сидит, они и пошли. Пошли царю доложили. Ну, царь говорит:

– Как?

– Сидит жив, – говорят, – он книгу чита́т сидит, даже не взглянул на нас, голову спустил, чита́т и чита́т.

– А как он чита́т? Откуль свет?

– А чё-то есть, – говорят, – какой-то свет он там светит.

Царь сам побежал. Царь побежал, стал его упрашивать:

– Выйди, – говорит, – из погреба, давай, – говорит. Сам уговаривать его добром – всё равно всё так сидит, головы не подымат, не взглянул на царя. Попросил-попросил, ну, раз ничё – пошёл опеть. Стал жену посылать, говорит:

– Ну-ко, отведай ты сходи.

А он не знат, что она его пропитывала-то. Он говорит, она говорит:

– Ланно, розреши́шь – по́йду, схожу.

Жена пошла, попросила, говорит:

[13] Без еды.

– Выйди, – говорит, – <тогда> просят, – говорит. – Война, – говорит, – началась, дак чё-нибудь, – говорит, – немножко не можь ли помочь, – говорит, – тут?

Он мимо книгу закрыл и жену послушал – это как она его пропитывала, знал дак и. Мимо из погреба вышел бел, как ку́ропать, весь поседа́тел, побелел – тако это всё ведь. Ну, вот. Ну, и тут его стали уговаривать, упрашивать, царь, жена тоже его упрашиват, говорит:

– Давай, пожалуйста, – говорит, – помоги, – говорит, – нам уж ты.

– Ну, ладно, – говорит, – подготовьте ко́ней, – говорит, – поедем на ко́нях.

Тогды ведь это не то что кака ле техника была – на ко́нях там боролись.

– Только, – говорит, – подготовьте палицу мне, – говорит, – боёвые, – говорит, – дайте.

Каки ле были там така орудия.

Три царя да этот стар казак Илья Муромец поехали. Выехали в чисто полё, бороться тама-ка́, воевать – на их как идут войной. Этот стар казак вот Илья Муромец стал помахивать палицей боёвой: куго коснёт – на́ два да на́ три ути́нка-части[14] ле́тят люди. И вот эту войну всю они, он всех переборол. И тогда этого, приехали домой.

Ну, и царь етого старо́го казака взял себе на житьё на бытьё – до смерти, чтобы его в добри так уж это держать. И вот тут больше они его держали: поили, кормили хорошо, ухаживали за им. Тут он у их и умер. И сказки конец.

1.2

Жили-были муж да жона. У их был сын, он тридцать три года лежал без рук, без ног и слепой – ну, в общем, руки-ноги были, но у его не действовали они, лежал так всё.

У его отец да мати пошли чистить полё, его оставили одно́го – он лежит такой, не владел ничем. Полё пошли чистить, оставили его. Он лежит. Потом зашли к ему два мужика. Зашли два мужика, поздоровкались, он с има́ поздоровкался. Велят ему встать:

– Встань, – говорят, – давай, чем-нибудь угости нас. Может, у тебя чё ле есть дак.

Он и говорит:

[14] Ути́нок – небольшая часть, кусок чего-нибудь (Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 2. СПб., 2005. Далее – СРГНП). С. 384.

– Ой, робята, добры молодцы! Я не то вас угостить – дак рад от вас чё ле принять. Вы бы чё ле мне-ка дали, я лёжу уже тридцать три года без рук, без ног и слепой.

Это руки-ноги пусть есть, но у его они не действуют, глаза не видят – слепой. Так. Они там, эти два человека, переговорились между собой и выняли какой-то бутылку – напиток.

– Мы, – говорят, – подаим тебе немножко – чару зелена́ вина, может, ты от нас выпьёшь?

Он говорит:

– Можно, выпью немножко. Дайте. У меня руки не слушаются, сами уж вы мне подайте.

Они поднесли ему, немножко в рот вылили, он выпил. Он выпил, они у его спросили:

– Ну, как чувствуёшь по себе?

Он говорит:

– Да чувствую, наверно, я буду вставать. Если розрешите, дак я, наверно, встану.

– Можно, – говорят, – если можешь, дак вставай.

Он и встал на ноги. Они в общем там между собой переговорились и сдумали ему ише налить чару. Ише ему чару на́лили:

– Ише, – говорят, – немножко, бат[15], выпьёшь?

Он говорит:

– Можно немножко.

Он опеть выпил. Выпил. Ну, они опять у его спросили:

– Ну, как нынче чувствуёшь?

– Да, – говорит, – чувствую ничё.

Стал по комнатам похаживать, поскрипывать. Ходит, всё ходит, ходит. Ну, они тут посмотрели, послушали, посмотрели на его:

– Может, – говорят, – ише выпьешь немножко?

Он говорит:

– Можно, только немножко, не столько, сколько пил – маленько.

Они немножечко ему на́лили. Немножко на́лили ему, он опять выпил.

– Ну, – говорят, – как нынче чувствуёшь?

Он ходит, поскрипыват. Он говорит:

[15] Бат – 1) усилительная частица, подчеркивает содержание высказывания, выделяет значимое слово; 2) вопросительная частица, усиливает вопросительный характер предложения (СРГНП. Т. 1. С. 23).

– Я так нынче чувствую: если бы было кольцо в земли-матери, дак всю бы землю-матерь я вокруг повернул – так я чувствую себя.

Они опять между собой переговорились и ему сдумали немножко силы убавить. Говорят:

– Его земля-мати не будет носить. У его немножко надо это всю моготу́-силу убавить.

Опять ему стали. Говорят:

– Немножко ише выпей.

Он и опять выпил. Посмотрели, поглядели на его, послушали.

– Ну, – говорят, – как нынче?

– А перед давешним, – говорит, – половину только силы чувствую, поменьше.

Ну, ладно.

– Ну ладно, – говорят, – живи. Живи.

И попрощались с им и ушли. Он остался дома один. Остался. Так это оделся. Пошёл к матери да к отцу, они где поле чистят.

Идёт к им. Они увидели, что он идёт, они одва в обморок не пали: уж 33 года лежит без рук, без ног, слепой – и идёт он. Они тут подбежали к ему, в охапку его схватили:

– Чё с тобой тако случилось?

Он говорит: вот так-то так. Говорит, вот так-то:

– Люди, – говорит, – были, чё-то мне по́дали. Вот я встал, пошёл и иду.

Ну, они тут оступились роботы:

– Давай пойдём домой. – Домой пошли.

Тут суседы все собрались. Тута-ка немножко со́брали как канпанью, выпили с радости. Это всё тут такое, соседи все знают, что он лежал, а тут так.

Ну, и он немножко так по́жил с отцом да с матерью, месяц вместе жил ле, не́ жил ле. У отца да у матери стал просить благоловленья[16] ехать в стольной Киев-град. Там слыхал, есть много богатырей живёт – богатырей посмотреть. Отец да мати не спускают, не розрешают. Говорят:

– Столько лет лежал без рук, без ног, мы ухаживали, а как на́ ноги встал, дак ладишь от нас ты уехать.

Это плачут, его не спускают. А он говорит:

– Даите́ благословленье – поеду, и не дадите́ – поеду.

Ну, они тогда уж розрешили ему ехать. Дали ему коня. Коня дали. Ну, это раньше были таки каки-то стрелы, лук, стрелу натенут и стре́лят

[16] Так в рукописной расшифровке утраченной аудиозаписи. Возможно, описка: благословленья.

тама-ка. Коня дали, стрелы ему дали. Он поехал, с отцом, с матерью попрощался, те поплакали. Поехал. Поехал.

Z ...Ну, это сдумал уехать. Родители плачут, его не спускают, говорят:

– Столько время ты лежал, мы ухаживали, на ноги встал, дак ты сдумал от нас уехать! Мы тоже стареньки стали.

Он говорит:

– Дадите́ болословленье – поеду, и не дадите́ – поеду.

Ну, те, эти думали-подумали: всё равно, говорят, он уедет. Розрешили. Дали ему хорошево коня, стрелу, лук, попрощались, соседи все собирались тут, попрощались, и он поехал.

Едет – дорога, росстани: три дороги. И столб стоит. На столбу написана доска, на доски написано: «По одной дороги поедешь – богатый будешь, по другой дороге поедешь – женатый будешь, по другой... по третéй дороге поедешь – жив не будешь». Он думал-подумал, сидит на кони:

– А на что, – говорит, – мне на старость богатство? На что же мне на старость женитьсе? А ну-ко, я отведаю, поеду по той дороге, по которой жив не буду.

И поехал. Илья Муромец сидит у его на коне напереди[17].

{Он, этот Со́ловей Рахматович, сидел на лесу, на семи дубах на семи поддубках, высоко он на лесу там сидит, на лесу, на лесинах, вот он сидит там. Заселилсе много лет и вот свисто́м людей убивал всё. И вот эта дорожка запала, тридцать три года, больше... доброй...[18] Узнали, шо он там такой сидит, свисто́м, дак <в>едь не кажному ехать-то охота! И вот, больше эта дорога и заросла, запала. А тут выискалсе такой стар казак Илья Муромец, почувствовал, ему чё-то по́дали, силы у его много, и он решил, что я, наверно, это с им смо́гу это всё там поборотьсе, дак вот и взял его. Это он не взял его, а он лук натянул, стрелу-ту на его, и приговариват, говорит:

– Лети, – говорит, – моя стрела, выше, – говорит, – лесу, выше тёмного, выше, – говорит, – облака ходечего, залети, – говорит, – Со́ловью в правой глаз!

Навёл и Со́ловью в правой глаз ему и стре́лил. Така стрела была, лук. Вот раньше та была и орудия, та и механизация. Вот его чё ле тут по́дали,

---

[17] См. «Примечания».

[18] Очевидно, рассказчица собиралась продолжить характеристику непроезжей дороги: «...молодец не прохаживал, чёрной ворон не пролетывал...» (см., например, далее в диалоге богатыря и участников пира).

у его силы появилось много, всё это он тут так сам себя... [*И Соловей-то упал сразу?*] Он не упал, он... Это как он стре́лил-то его, он валитьсе-то стал, он его на кони-то подгонил и ему не́ дал ему на́ замлю-то легчи, пасть-то, а подхватил его на коня. Подхватил и впереди себя он его посадил, и поехали. [*И поехали?*] И поехали. Со́ловей Рахматович уже больше – тут не в силы дело, больше всё – тут сильне́ его появилсе человек.

Поехал. Ехал близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, заезжает в стольный Киев-град. У царя тут собраной пир навесёл. Тут бояра собраны толстобрюхи, гуляют, пьют, пьют, выпивают, поют. Он с лошади слез, коня завязал, стар казак Илья Муромец-от. Сидит на коне (Соловей Рахматович. – *Т. К.*).

– Я, – говорит, – пойду в и́збу, ты сиди.

Зашёл к им. Тут гуляют. Поздоровкалсе, люди тоже поздоровались с им. Смотрят: человек незнакомой, не знают, откуль.

– Откуль, – говорят, – молодец, правишься, откуль путь держи́шь?

А он говорит:

– Я правлюсь, – говорит, – вот по той дороге проехал, по которой, – говорит, – там написано «жив не будешь», дак я, – говорит, – по той дороге проехал.

А они говорят:

– Ой, еси ты, доброй молодец! Не пустым ле ты да похваляисьсе? Эта дорога тридцать три года запала – доброй молодец не прохаживал, чёрной ворон не пролетывал, там сидит на дубах, заселилсе этот, Со́ловей Рахматович, он свисто́м людей убиват. Тут нихто не может проезжать.

А он говорит:

– Если, – говорит, – вы мне-ка не поверили, – говорит, – не верите, дак я могу, – говорит, – его в избу завести. Я, – говорит, – привёз его.

Те так это все:

– Заведи, – говорят, – если так уж ты.

Пошёл, попросил, с коня он слез. Он взял его по́д руку, завёл, заходят. Тоже поздоровкались, поздоровались тута-ка все. Ну, и они попросили, говорят:

– Мы слыхали, так-то так: вот ты свисто́м людей убивал. Дак... Ну-кося, засвисти, мы послушам, так, не во весь полон свист – в половину хотя.

Ну, он тоже обозлился, так это засвистел – да во весь полон свист. Ну, тут люди много, ново́й[19], бат, и насмерть, ново́й лежит – всё больше

[19] Ново́й – иной, некоторый (СРГНП. Т. 1. С. 481).

тута-ка. Ну, тут больше прекратили. Вот тут царь и вынес выговор такой тута-ка, собирались опять все соседи, этих людей, чтобы этого Со́ловья Рахматовича, чтобы отсюда его отправить куда-то там, чтобы больше он живой – дак живой, а не живой – дак где ле пусть он там мёртвой. А этого старо́го казака Илья Муромца царь предло́жил в глубок погреб его посадить опеть на тридцать лет. И посадили. Слугам заставил:

– Слуги, – говорит, – сведите его в глубок погреб, его посадите, и пусть он сидит там тридцать лет.

Слуги подхватили, повели его, посадили в глубок погреб, всё. Ну, и сидит тама-ка́. Ну, а жена тихонько у царя, это царица, всё же она жалет человека, она стала там тихонько, шобы никто не знал, в погреб ходить ему еду носить, протяга́ть, его пропитывать. И он попросил книгу Еванделе читать. И она ему книгу Еванделие, эту старинну книгу, там про божественно, книгу ему снесла, тама-ка́ дала. Сидит. Она его кажной день, бат, не <по одных[20]> ише ходит, там кормит, пропитыват.

Ну, потом вот эта война началась. На царя пошли войной. Царю, завертелся, деватьсе некуды, его никто не оборонет, он один. Ну, это люди войной на его идут. Он и помянул, говорит:

– Да, был, – говорит, – кабы стар казак Илья Муромец, дак, бат, и оборонил меня да, он силач, – говорит, – такой был.

А жена-то и подхватилась, говорит:

– А надо посмотреть: он, бат, и живой сидит да?

А царь-от и говорит:

– Ой, – говорит, – баба ты, долог... это... волос, – говорит, – у тебя долог да ум короток. Тридцать лет, – говорит, – человек может – нет там сидеть без ества-та?

Ну, жена всё же насто́ит – она знат, что он живой сидит:

– Всё же, – говорит, – надо посмотреть.

Царь опять слуг нарядил:

– Сходите, – говорит, – в глубок погреб, посмотрите: чё, – говорит, – он, как там, – говорит.

Слуги пошли, спустились в глубок погреб. Он сидит, жив, книгу Еванделе читат, весь побелел, как куропать, уже поседа́тел. Они его попросили, что царь велит тебе подняться наверьх. Он сидит, книгу читат, головы не поднял и слова не сказал. Они попросили-попросили, раз слову места нету, они и вышли обратно из погреба. Пошли, царю опять доложили: так-то так. Царь сам побежал, обрадовался:

[20] Не по одному разу.

– Всё чё же – живой, дак, мо<ж>ет, меня послушат.

Царь спустился в глубок погреб – живой, правильно, сидит. Попросил опять его, попросил. Он всё равно сидит, книгу читат, головы опять не поднял – это на царя он обиделся, что он его посадил тама-ка́. Попросил-попросил, он – ничё. Вышел обратно, жены стал говорить, говорит:

– Ну-ко, отведай ты, – говорит, – сходи! Бат, и не послушат ли он тебя?

А жена это знат, чувствует, она кормит его дак, шо уж, наверно, выйдет он <к ей>. Жена пошла. Жена пошла, попросила, говорит:

– Давай, пожалуйста, – говорит, – выйди, послушай, – говорит, – меня.

Он мимо книгу закрыл и вышел, бел, как куропать[21] – весь побелел, поседа́тел, борода больша.

Ну, и царь стал его просить:

– В ноги, – говорит, – я тебе паду. Давай, – говорит, – оборони! Не можь ли, – говорит, – меня? Вот война, – говорит, – началась, на меня, – говорит, – войной идут, а я, – говорит, – один сделать ничё не мо́гу.

А тогды механизации никакой не было. Он говорит:

– Если есть, – говорит, – кони хороши – можно, – говорит, – поедем, – говорит, – на ко́нях. Да если есть палицы буёвы.

Таки это махать людей тогды – та и орудия была.

– Найдём, – говорит, – всё, – царь говорит.

Царь там слуг послал, самолучших ко́ней, чтобы они привели. Слуги там всё это быстро приготовили, ко́ней подготовили, привели. Царь да этот стар казак Илья Муромец сели на ко́ней, на сёдла, эти палицы буёвы взели, поехали в чисто полё воевать. Там ездили-поездили. Этот стар казак Илья Муромец ездит на коне, как палицей буёвой куго махнёт – дак два да три человека опять это че́рез пересекают. Это ездили-ездили по чи́стому полю, и всю эту орду наверну присе́кли, и лежат все. Тут больше всё. И поехали тогда они с царём домой.

Приехали домой. Опять это пир наве́сел как вроде с радости со́брали тута-ка, угощают старо́го казака. Ну, и потом, они тоже уж стареньки стали, этот царь сдал всё при́ людях тут старо́му казаку это царство тут, ему царствовать, править, а он уже старой – всё. И вот тот стал жить, и стали жить это да поживать.

---

[21] Пояснение сказительницы: «Ку́ропти эти птички есть, птичи есть куропти – куропатка, они бе́лы-бе́лы. Дак это “бел, как куропать”» (ФА СГУ, АФ 0307-2).

1.3

Жили-были мужик да баба. У их был сын один. Вот. Он тридцать три года лежал без рук, без ног и слепой. В обшэм, руки да ноги у его были, но не действовали ничё – ни ноги не ходили, ни руки, и так это он всё лежал.

Потом у его отец да мати пошли полё чистить. Он это лежит и лежит, осталсе. Потом к ему заходят два мушчыны. Поздоровкались, он лежит, так это тоже поздоровалсе. Ну, они тут чё ле с им разговаривают:

– Вставай, – говорят, – давай, угощай нас, гостей.

А он и говорит:

– Ой, – говорит, – я не то, – говорит, – вас угушчать – а рад от вас, – говорит, – чё ле принять. Я уже лежу, – говорит, – тридцать три года без рук, без ног, слепой, – говорит, – так лежу просто, ничё...

Ну, они так это переглянулись, переговорились тихонько, вынимают там из своих пожитков каку-то бутылку. Наливают ему стопку:

– Стань, – говорят, – выпей.

Они... Он говорит:

– Нет, не могу встать. Если уже поднесите.

Они ему поднесли, так лёжа ему выпоили, он выпил. Он эту стопку выпил, стал покры́кивать[22], стал тут то, друго и ставать стал и стал ходить по́ полу. Они говорят:

– Может, другу ешче выпьёшь?

Он говорит:

– Не знаю.

Ну, ладно, они так ему дали времечко. Он похаживат по́ полу, поскрыпыват. Ну, они видят его, што он так хорошо, плотно ходит. Они там переговорились опеть: если, говорят, ему другу-ту стопку подать дак, его земля не будет носить. Он так это шибко будет какой-то такой сильный.

Ну, ладно, говорят, тогда:

– Выпил стопку, дак и хватит, живи на здоровьё.

Ну, и он тут чё ле их угошчать хочет, они говорят:

– Нас угошчать ничё не надо, мы пойдём дальше, поедем.

---

[22] Кры́кать, покры́кивать – удовлетворенно кряхтеть после питья. Ср.: «Всяк пьет, да не всяк крыкне́т» (*Канева Т. С., Ильина Ю. Н.* «Пословицы и поговорки» Марфы Ананьевны Дуркиной: устная народная словесность Усть-Цильмы в самозаписи ее носителя // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. Вып. XX. 2012. № 2. С. 218. № 471); кря́кнуть – кряхтеть (Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Кортусы – Куделюшки / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1979. С. 365).

Он остался тут. Остался, чувствует силы в себе так это много. Ну, они у его спросили:

– Как сам себя нынче чувствуешь? Сколько ты силы, как чувствуешь, в себе имешь?

Он по́ полу похаживат да говорит:

– А если бы было в земли-матери кольцо, дак я бы всю землю-матерь вокруг повернул.

Ну, вот они и с того и: нельзя, говорят, ему больше. Ну, тут они пошли, попрощались с им, он остался.

Остался, чувствует: может, сила есть, и охота там идти, где отец да мати у его. Оделся и там пошёл. Они там видят: вроде он идёт. И всё уже, эдва тут в обморок не пали: как так? Идёт уж. Тридцать три года лежит, ничем, ничё и... Они к ему на встречу побежали. Бе́жат: он, сын ихной. Они тут его хватили в охапку. Там люди всё увидели, все тут скопились, все его как вроде уж тут на́ диво кажется, встречают. Ну, и он говорит:

– Ну, давай нынче поработам. Я долго лежал, долго вам не помогал, нынче буду помогать вам.

Ну, тут они полё-то чистят. А тут озеро есь, така речка, озеро, тут лес. Он это лес-от всё рвёт так с кореньями, лесинки оторвёт да опять в речку да всё в озеро-то и мечет. И это всё заму́ромил эту речку, озеро. Ак вот его поэтому и про́звали стар казак Илья Муромец – это он заму́ромил всё это воду́-то, реку́-то. Ну, и отец да мати его зовут домой:

– Пойдёмте, – говорят, – домой тут больше.

Тут людей со́брали, тут погуляли они с радости. Тут он какой ле день пере́жил с отцом с матерью, у их стал благословленья просить ехать в столный Киев-град – там бояра живут. Отец-мати его не спускают, плачут:

– Столько, – говорят, – лет ты лежал, а вот встал, дак от нас опять хошь уехать.

Он у их просит коня:

– На кони, – говорит, – я поеду.

Тогда ведь это тако ничё не было – всякого транспорта. Они поплакали-поплакали, его уговаривали, он ни за что не соглашаетсе:

– Нет, – говорит, – поеду, посмотрю, я, – говорит, – нигде не бывал, ничё не знаю, не видал – посмотрю, – говорит, – в обшэм там.

Ну, и они дали ему коня самолучшего. Он поехал. Попрощались, поехал.

Ехал он близко ли далёко ли, низко ли высоко ли – росстани, три дороги тута-ка́: так дорога идёт, так, так дорога идёт. А тут столб стоит. А на

столбу доска приколочена, и на доски чё-то написано. Он подъехал на коне, это на доску поглядел, почитал, написано: «По одной дороге поедешь – дак богатой будешь. По другой дороге поедешь – дак женатый будешь, по третьéй дороге поедешь – дак жив не будешь». Он думал-подумал, думал-гадал, один сын: «А на что, говорит, мне на старость богатство? А на что же мне на старость жениться? А я поеду по той дороге лучше, по которой жив не буду». А он это так всё на свою силу надеется, что, может, я и проеду это, останусь живым. И поехал по той дороге, по которой жив не бы... не будет.

Едёт, видит: там лес высокой стоит. На лесу, на дубах, на семи дубах, на восьми поддубках сидит там Сóловей Рахматович, заселился. Свистóм людей убиват. Вот это тут то и написано, что жив не будешь. Он засвистит – кто ле, так людей, там человека увидит – от свиста люди падают и мертвеют.

Он едет. Он и там увидел, Сóловей Рахматович: едет опять человек, он и засвистел. Он засвистел, конь-от у его на коленци пал от свиста-то это, просто тут его как. А он нет, с коня-то не пал, всё на кони-то сидит, да коня-то хлопнул, говорит:

– Конь, ты, конь, – говорит, – травяной мешок! Не видал, – говорит, – не слыхал, – говорит, – ты воронúнного граянья, – говорит, – соловьиного посвиста!

Дéрнул коня-то, конь-от опеть соскочил, а он не пал с коня. Он соскочил, а у его с собой-ту орудия-то тогды была така – лук да стрела. Он лук этот натянул, стрелу за... навёл там на Сóловья, приговариват, говорит:

– Лети, стрела, – говорит, – выше лесу, выше тёмного, выше облака ходечего, залети, – говорит, – Сóловью в правой глаз.

Навёл и стрелúл его. И так уж навёл он на его и стрéлил и в правый глаз Сóловью налетела эта стрела. Ну, уж в глаз прилетела, дак тоже тут не посидишь, Сóловей падать, падать стал да и. Тот видит, стар казак Илья Муромец, и на кони подгонил дак, его нé дал на землю-ту пасть, подгонил, дак его, взял тут его, он падат-то дак. И на коня посадил. На коня посадил его:

– Сиди, говорит, не падай, держись!

Ну, ему больше деваться некуды, видит, шо уж сильне тут его ешче человек, и поехали в столный Киев-град.

Приехали. У царя тут чесен пир собраный, бояра толстобрюхи гуляют, в обшэм така гулянка. Он подъехал, коня завязал, Сóловья Рахматовича, говорит:

– Сиди, не слезывай, – говорит, – а я пóйду в úзбу захожу.

Зашёл в и́збу. Бояра тут гуляют, пьют. Поздоровкалсе, люди все глядят: человек незнакомой, тоже поздоровались.

– Откуль, – говорят, – прависе? Откуль путь, – говорят, – куда путь, держи́шь?

А он говорит:

– Вот, – говорит, – правлюсь, по той-то, по той, – говорит, – я дороге, – говорит, – еду.

А они говорят:

– Ой, еси, добрый молодец! Не пустым ли ты да похваляисе? Та дорога тридцать три года запала, чёрный ворон не пролетывал, доброй молодец не прохаживал, там сидит на лесу Со́ловей Рахматович, свисто́м он людей убиват.

Он говорит:

– Ну, ланно, пусть, – говорит. – А если, – говорит, – вы желаете, дак я, – говорит, – мо́гу Со́ловья Рахматовича в избу, – говорит, – завести.

Они все так тут глаза выперли: неужели так?

– Давай, – говорят, – заведи, если уж он у тя есь ли чё тако да.

– Да, – говорит, – есь, – говорит, – я привёз, – говорит, его.

Побежал. Со́ловей Рахматович на коне сидит, деваться ему больше некуда уж тут, он подначальний оказалсе, человек тут сильне еше его.

– Слезывай, – говорит, – с коня, пойдём, – говорит, – со мной в и́збу. Люди, – говорит, – хотят тебя посмотреть.

Ну, он слез. Он его подхватил, он худо не видит, по́д руку повёл его. В и́збу заходят. Люди тут все смотрят, удивляютсе. Ну, и царь говорит, говорит:

– Мы, – говорит, – слыхали, что ты свисто́м людей убиваешь, дак ну-ко засвисти не во весь только полон свист, в полу́свиста.

Он ничё так это не говорит, молчит, а он дожидат у того разрешенья, которой его привёз – стар казак Илья Муромец. Он говорит:

– Просят, дак засвисти, – говорит, – только не во весь, – говорит, – полон свист.

А он тоже обозлился, этот Со́ловей Рахматович, что тут так его, дак он заревел да во весь полон свист. Тут это люди много всё тут пали, тут хто чё мог, всё тут накасти́ли[23]. Ново́й и мёртвой оказалсе, новы́ и живы́ остались, дак всё это такое. Ну, и тут которы живы́ остались, так это после

[23] Накасти́ть – повредить, попортить (СРГНП. Т. 1. С. 448).

чё ле прочуне́ли[24], а которы мёртвы – уж всё больше. Царь живой тот остался. Ну, и тут они со́брали тако вроде собраньё, что куда вот этих-то людей девать. Со́ловея Рахматовича – того, которой это засвистел-то, того мимо росстреляли его, к росстрелу приговорили. Его вывели, росстреляли, царь приказал. А старо́го казака Илья Муромца решили, решенье вынесли: на тридцать лет опеть посадить ево в тёмной погреб. Царь это приговорил. Ну, и решили, раз царь приговорил и. Коня этого он себе царь взял тамо-ка на содержанье, его повели там в глубок погреб, тёмный, посадили на тридцать лет старо́го казака Илья Муромца.

Посадили, сидит. День сидит, два сидит – сколько ле там сидит. Там слуги ходят. А после война стала. Война стала – это на царя войной пошли, на царя. Ну, царь там ездил, воевались, на царя тут много, у царя обороны мало. А это он в погребу-то сидит стар казак дак, у царя-то жена-то, эта царица-то, во́ровски, никому не сказыват, и мужу не сказыват, царю, а она его тихонько всё ходит там кормит, пропитыват.

Эта война-то стала, вот царь-от тогды и говорит:

– Да, – говорит, – стар казак Илья Муромец был, дак, мо<ж>ет, бы и меня и оборонил, а вот, – говорит, – нету его нынце дак.

А жена-та знат уж, дак так ему не ска<зыват>:

– А надо, – говорит, – посмотреть: может, он, – говорит, – и живой сидит да?

А он живой, она его кормит, там пропитыват ходит. А он и говорит, царь-от:

– Ох, – говорит, – ты, баба, волос-от у тя, – говорит, – долог, да ум короток! Тридцать лет, – говорит, – уж, бат, проходит скоро дак, может ли человек там сидеть без еды и так это безо всего?

Дак она говорит:

– Всё же, – говорит, – надо посмотреть.

Она-то знат, <с>мотри, что он живой. Ну, царь слуг нарядил:

– Подьте, – говорит, – сходите в глубок погреб, стар казак чё, как там, – говорит, – есть ли он, живой ле? Как он чё тут?

Слуги побежали, пошли. Он сидит, книгу Еванделе читат, таку старинну книгу. Они его попросили, говорят:

– Стар казак, тебя царь просит там наверьх выйти, велит нам тебя привести.

Он головы не поднял даже, сидит, всё это читат и читат, головы не поднял. Он обиделся и тут ничё.

[24] Прочуне́ть – прийти в сознание, очнуться (СРГНП. Т. 2. С. 185).

Ну, и пришли, царю доложили, царь сам побежал. Царь сам побежал, просит его, он всё равно не оступается, всё сидит книгу читат. Попросил-попросил – ничё, сидит, всё книгу читат. Пошёл, вышел. Жены стал говорить, говорит:

– Ну-ко, отведай, – говорит, – ты, – говорит, – сходи.

А жена это всё дело знат – она его пропитыват, и так им не говорит и. Жена пошла. Жена пошла, попросила его:

– Стар казак, – говорит, – Илья Муромец, давай, – говорит, – выйди давай, – говорит, – послушай меня. Я, – говорит, – тебя долго, – говорит, – кормила, пропитывала, ты меня должен послушать.

Он мимо книгу закрыл, мимо вышел. Побелел весь, бел, как ку́ропать. Там тридцать три года лежал, да тут тридцатой год доходит, сидит дак. Вышел. Тут люди скопились все, тут его стречают, в охапку хватают, целуют. Ну, царь ему стал говорить, упрашивать:

– Давай, пожалуста, стар казак Илья Муромец, как ле не можь ли оборонить меня, со мной там съездить в чисто поле, с има поратитьсе, поборотьсе, подратьсе.

Он говорит:

– Если есть, – говорит, – кони хороши, две лошади, дак, – говорит, – можно, – говорит, – съездить. А этот, – говорит, – мой конь, – говорит, – где?

– А твой конь, – говорит, – <в>едь много время уж прошло, дак его нету, он боле пропал.

А там у царя ведь уж тоже всяки кони есть, тоже хорошие. Тут слуг царь послал, привели два коня, обседлали, стар казак да царь поехали в чисто полё воевать.

А тогды орудии никакой механизации не было, были таки палицы буёвы каки-то, это тут хозону́т[25], свисну́т[26], дак и убивают, это каки ле как свинцы да всё таки наделаны. Эти взели палицы буёвы, поехали в чисто полё. Тут столько на их напахнуло орды неверной! Они стали поезживать, это поваживать, покашивать. Как какого хозону́т – дак на́ две части-половинки, да на три так и человек. Тут они их всех присе́кли, вот этот стар казак. Ну, и тут ничё уже не осталось людей, тут они больше всё, закончили дело. Ну, царь говорит:

– Поедем, стар казак, ко мне, – говорит, – нынче.

---

[25] Хо́знуть – ударить с размаха (СРГНП. Т. 2. С. 401).

[26] Сви́стнуть – бросить, кинуть, выбросить как ненужное (Там же. С. 255).

Поехали к царю. Царь больше тут, всё это дело опять со́брали таку конпанью с веселья. Тут по́пили-погуляли, всё. Вынесли решенье, чтобы старо́го казака Илья Муромца царю взять чтобы на житьё, на бытьё до смерти. Он уже тут старше шестидесяти годов, может, к семидесети, уж, бат, семьдесят было. Ну, и тут царь его взял на содержанье, к себе на житьё, на бытьё, и тут он, Илья Муромец, стал жить и тут у его жил-по́жил и умер. Сказка конец.

2.1

...Илья Муромец был, не ходил до тридцети лет. Но и пришёл к ему какой-то там, стал просить у его пить, ну, и тот:

– Подай мне пить.

А он говорит:

– Я не хожу. Вот столько-то мне лет, я, – говорит, – не хожу.

– Но, ланно, не ходишь дак. Подай, – говорит, – может, встанешь как ле.

Он стал вставать, да и встал. Напоил этого дядьку, тот напился. У его где ле отца... отец да мати там чистили чё ле – поле ле по́жню ле. Этот Илья побежал там к отцу да к матери. Эти они секут топором, а он ёлоцки выдерьгивал да кидал – да и всю реку заму́<ромил>, реку-ту забросал всю, <шибко> маленька рецка-то была дак, и сказали, что Илья Муромец реку заму́ромил. То-то от отца слыхала, сказывал то.

2.2

Илья Муромец какой ле до трёх... до тридцати годов не ходил. Ну, и потом, отец да мати где ле у его робили, чистили пожню ли чё ле, он пришёл и это стал с корнями выдерьгивать да высви́стывать, дак всю реку заму́ромил, дак вот Илья Муромец и зовут, звать так. А чё больше?.. [*А дальше?*] Ничё больше не знаю.

3

[*Про Илью Муромца сказки были?*] Да. Z ...без ног лежал. И пришли два мужика к ему, а отец да мати ушли в по́лё ро́бить. Ну, вот.

– Подай, – говорят, – нам, доброй молодец, водычки пить!

А он говорит:

– А я уж тридцеть лет, – говорит, – лежу, да мне всё, – говорит, – подносят. Я, – говорит, – и сам встать не мо́гу.

– Ну, давай, где вода, скажи нам.

А он говорит:

– Вот там вода.

Они напи... пили ле, не́ пили ле, ему принесли чашу:

– Эту всю выпей!

Да он говорит:

– Куда же это э́ка во́йдет?

– А во́йдет – не во́йдет, а эту всю выпей.

Он выпил и с кровати стал[27]. [*Чашу вот выпил, да?*] Да, эту всю чашу эту выпил и с кровати стал. Ну, с кровати стал. <...> А эти два мужика, два ста...[28] были, оне говорят:

– Ну, уж на́ ноги стал, ходи! До свиданья! – и потеря...[29] И встали, ушли. А он говорит:

– Где-то у мня отец да мати? По́йду я, – говорит, – посмотрю.

Он и на ногах пошёл к отцу да матери, он уж тридцети лет был. Ну, вот, пошёл. А отец да мати коренья копают, полё чистят. Он возьмёт за вершину и с корне́м выдерьнет.

– Да чейно! Восподи, помилуй! Ты пошто экот, сын? Откульно у тя эката сила явилась?

– А вот, – говорит, – вот мне приходили два дяденьки, дали чашу воды выпить, я выпил и вот и стал Илья Муромец, сильный стал. Вот. Z

...Жеребёночек был у отца-та да мати, он этого жеребёночка, ко́ничек был:

– Расти, – говорит, – не по дням, а по часам, будешь мой!

Конь вырос, вот он и на ём поехал воевать. [*Воевать поехал?*] Да. Илья Муромец. Вот это сказка, бывальщина была. Поехал. [*Бывальщина?*] Война была, и он поехал на войну. [*А куда поехал?*] Ак я <чимзнам[30]>, там каки города да всё да это?.. [*А ещё что про него сказывали?*] Это всё забыла...

---

[27] Агафья Семеновна Хозяинова, 1935 г. р., присутствующая при записи (возможно, дочь), спросила в этот момент: «Не на печи ли он сидел?..».

[28] Старика (?).

[29] Потерялись (?).

[30] Чимзна́т – кто его знает (Слова старинные. Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / Сост. Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2021. С. 107).

Примечания

1. Семенова Марфа Алексеевна, 1917 г. р. (урож. д. Бор)[31], с. Усть-Цильма.

1.1. ФА СГУ, АФ 0307-1: зап. А. Н. Власовым и Т. Е. Васильевой зимой 1986 г. Расшифровка З. Н. Мехреньгиной, Т. С. Каневой. См. 1.2, 1.3.

Фрагмент сказки об Илье Муромце – об избавлении им «царя» от «войны», ср. № 1.1, 1.2; см. также: БП. Т. 1. № 57; возможно, текст записан не с начала.

На вопрос собирателя А. Н. Власова «Слышали от кого эту сказку?» исполнительница рассказала: «Это сказки... Скажу я тебе: мы там это жили в деревне-то на Бору-ту, а е́водека опять есть деревня этто за рекой на острову, отсель она видно, Стары Дворища называетсе, это в той деревне только на лето люди ездили. И тут с Усть-Цильмы ездили таки́ старик да старуха, а они нашим-то, отцу-ту, были таки́ знакомы, ездили всё это раньше друг к дружке, дак вот эти старик да старуха из этой, со Старых-то Дворищ к нам это в деревню-то всё приезжали, ак они столько много сказок знают! Дак это приедут осенью к нам дак, тут все соберутся, все у их сказки слушают. Дак я вот эту запомнила както каку ле сказку» (ФА СГУ, АФ 0307-1а).

1.2. ФА СГУ, АФ 03103-47, АФ 03104-1, 15: зап. З. Н. Мехреньгиной в апреле 1990 г. Расшифровка З. Н. Мехреньгиной, Т. С. Каневой. См. 1.1, 1.3.

Аудиозапись сказки была сделана последовательно на две магнитофонные катушки (АФ 03103 и АФ 03104), граница между ними отмечена в публикуемом тексте знаком Z. Первая из магнитофонных катушек (АФ 03103) к настоящему времени утрачена, сохранилась лишь рукописная расшифровка аудиозаписи, выполненная собирателем, по которой в данной публикации и приводится первая часть этого текста (до знака Z). После смены пленки в магнитофоне рассказывание продолжено с повтором сцены отъезда богатыря из родительского дома.

В данном варианте рассказчица упустила важнейший эпизод встречи Ильи Муромца с Соловьем Рахматовичем, и сразу после сообщения о том, что богатырь отправился в путь от столба с надписью о трех дорогах (см.: «И поехал») звучит не вполне понятная фраза:

[31] В архивных материалах и в публикациях местом рождения М. А. Семеновой ошибочно названы другие усть-цилемские деревни (Барашки, Черногорская, Алёхино); биографические данные уточнены нами в 2023 г. (ФА СГУ, АФ 03456-XX).

«Илья Муромец сидит у его на коне напереди», тогда как на коне Ильи Муромца должен ехать пораженный богатырем Соловей-разбойник (ср. с другими вариантами этой сказки, записанными от М. А. Семеновой: «Взял его на коня и поехали вмести́» (БП. Т. 1. № 57), «На коня посадил его: “Сиди, говорит, не падай, держись!” Ну, ему больше деваться некуды, видит, шо уж сильне тут его ешче человек, и поехали в стольный Киев-град» (текст № 1.3 в настоящей публикации)). Однако в ходе все той же записи в апреле 1990 г. уже после сказки об Илье Муромце и других рассказов (на фонограмме – примерно через 17 минут звучания) М. А. Семенова, очевидно, вспомнила о пропущенном эпизоде (возможно, благодаря вопросу собирателя) и пересказала его. Этот фрагмент вставлен нами в публикуемый текст между предложениями «Илья Муромец сидит у его на коне напереди» и «Поехал» в соответствии с общей логикой сюжета; вставка заключена в фигурные скобки.

1.3. ФА СГУ, АФ 03114-11: зап. З. Н. Мехреньгиной в ноябре 1990 г. Расшифровка З. Н. Мехреньгиной, Т. С. Каневой. См. 1.1, 1.2.

Публикуемые три варианта сказки М. А. Семеновой из коллекции СГУ, а также вариант в записи МГУ 1980 г. (БП. Т. 1. № 57) демонстрируют стабильность прозаического текста, объединяющего три сюжетных блока: 1) исцеление Ильи Муромца и его первый (крестьянский) подвиг; 2) победа над Соловьем-разбойником и заточение богатыря в погреб; 3) избавление царя от «войны», «орды неверной»; исключение составляет текст № 1.1, который, очевидно, был записан не с начала: в нем изложена только третья часть «трилогии» («война»). В сравнении с усть-цилемскими былинами об Илье Муромце сказка М. А. Семеновой предлагает несколько редких мотивов: чудесные гости сами поят исцеляющим напитком неподвижного героя – подносят ему «стопку» / «чару зелена вина» и вливают жидкость в рот; причина заточения победителя Соловья Рахматовича, не названная рассказчицей прямо, выглядит как «разделение ответственности» за его губительный свист (традиционного мотива навета завистливых бояр на богатыря в вариантах Семеновой нет). Наиболее оригинальным является мотив получения героем своего имени («прозванья») Муромец – по первому после исцеления «деянию»: Илья «заму́ромил» (завалил) реку / озеро вырванными на будущей пашне деревьями (см. текст № 1.3, а также (БП. Т. 1. № 57); в варианте № 1.2 этот мотив опущен). Возможно, «имяпорождающий» глагол – это искаженный вариант от «замурова́ть» (в «Словаре архаических, диалектных и других малопонятных слов

и выражений» к печорским томам былин глагол «замýромить» поясняется именно как ‘замуровать, заложить камнями’ (БП. Т. 2. С. 595)). В региональных севернорусских диалектных словарях (в т. ч. в печорском) глагола «замýромить» нами не выявлено; лишь у В. И. Даля обнаруживаем это слово из пермских говоров в значении ‘запропастить, заложить, затерять’[32]. Однако это редкое слово в таком же контексте присутствует еще у одной усть-цилемской рассказчицы (см. тексты № 2.1, 2.2 и примечание к ним). Параллели к «семеновскому» мотиву именования богатыря по последствиям подвига, который ввел Илью в разряд особенных, исключительных людей, т. е. собственно обнаружил в нем героя, имеются и в некоторых других усть-цилемских пересказах этого сюжета[33].

2. Ермолина Февруса Федоровна, 1927 г. р., с. Трусово.

2.1. ФА СГУ, АФ 0344-37: зап. З. Н. Мехреньгиной, А. В. Панюковым и Ф. Габерлах в 1988 г. Расшифровка З. Н. Мехреньгиной, Т. С. Каневой. См. 2.2.

Фрагмент сюжета об исцелении Ильи Муромца воспроизведен в контексте воспоминаний о сказывании и пении отца – Федора Авдеевича Ермолина, жителя Трусово, принадлежавшего роду первозасельщиков этого села (роду Василия-Труса), перебравшихся на Цильму, по семейному преданию, из села Усть-Цильма. На вопрос собирателей об источнике знаний отца («А сам-то он от кого услыхал про это, про Илью Муромца?») исполнительница ответила: «Дак ведь у его бабушка была да пела. Они пели сильно. Отец у меня шибко пел, всяки песни и ста́рины – всё знал...».

2.2. ФА СГУ, АФ 03235-24: зап. В. В. Головиным, Т. С. Каневой в 2007 г. Расшифровка Т. С. Каневой. См. 2.1.

Припоминание сюжета возникло в связи с расспросами собирателей о сказках и местных сказочниках: «[*Вы сказок не слыхали?*] Дак чё ле, бат, чё ле сказывали какых ле... [*А кто сказывал?*] А, дак вот отец да Василий тут Иванович был да, Дорофей приедут да. Лежат тут у нас на полу и сказывать станут, дом небольшой был. <...> Дак всё рассказывали чё ле, как хто да, ста́рины к<ак>и ле пели да. <...> Василий Иванович да Дорофей Еремеевич, <...> и отец наш Фёдор Авдеевич.

[32] V-DAL.ru. Словарь В. Даля онлайн (https//: v-dal.ru/?f=%E7%E0%EC%F3%F0%EE%EC%E8%F2%FC&action=q); см. также: Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Кортусы – Куделюшки / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1979. С. 265.

[33] Подробнее см.: *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце... С. 198–199.

[*А Василий Иванович – какая фамилия?*] Дуркин. [*А у Дорофея какая фамилия?*] У Дорофея – Носов. [*Это примерно в какие годы они жили, пели, сказывали?..*] До войны. <...> [*А сказки какие они сказывали?*] Про Илья Муромца да чё да... Каки́? Всяки! <...> [*А про Илью Муромца Вы от кого слышали?*] От этих, от отца да от дедка да. От отца да от Василия-то Ивановича да, Дорофея да. Сафрон ещё был тут старик тоже. [*А как отчество у Сафрона?*] Он Семёнович. [*А фамилия?*] Носов».

Отрывочные припоминания Ф. Ф. Ермолиной сюжета об исцелении Ильи Муромца ценны редким мотивом получения имени героя по его подвигу, обозначенному глаголом «замуромить»: «реку заму́ромил, дак вот Илья Муромец и зовут» (см. примечания к текстам № 1.1, 1.2, 1.3).

3. ФА СГУ, АФ 0374-13: **Хозяинова Агафья Васильевна**, 1897 г. р., д. Гарево; зап. А. А. Бильчуком в 1988 г. Расшифровка З. Н. Мехреньгиной, Т. С. Каневой.

Текст интересен редким для печорской традиции мотивом выращивания богатырского коня из жеребенка с повелением «расти не по дням, а по часам»; можем указать лишь на один близкий вариант – также прозаический пересказ сюжета Матрены Федоровны Кирилловой из д. Медвежка (БП. Т. 1. № 56).

Литература

Афанасьев А. В., Канева Т. С. Голоса над Печорой: иллюстрированная антология усть-цилемского фольклора. М.; Сыктывкар, 2020.

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева; Нотировки Т. А. Кочневой. Сыктывкар, 2008.

Канева Т. С. Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30. СПб., 1999. С. 423–430.

Канева Т. С. Усть-цилемские сказки об Илье Муромце в исполнении М. А. Семеновой на фоне местной традиции // Словесность и история. 2023. № 3. С. 193–207.

Канева Т. С., Ильина Ю. Н. «Пословицы и поговорки» Марфы Ананьевны Дуркиной: устная народная словесность Усть-Цильмы в самозаписи ее носителя // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. Вып. XX. 2012. № 2. С. 189–243.

Канева Т. С., Сомсиков Р. А., Шомысов Д. И. Усть-цилемские «лесные» рассказы (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. Вып. XXIV. 2016. № 1. С. 190–231.

Канева Т. С., Шомысов Д. И. Усть-цилемские рассказы об оборотничестве (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. Вып. XXIII. 2015. № 2. С. 259–289.

Наумова О. В. Усть-цилемская исполнительница М. А. Семенова: особенности репертуара и стиля // Человек и окружающая среда. XI Коми республиканская студенческая научная конференция, посвященная общероссийским дням защиты от экологической опасности: программа и тезисы докладов. Сыктывкар, 2001. С. 104–105.

Слова старинные. Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / Сост. Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2021.

Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Кортусы – Куделюшки / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1979.

Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: Научное издание / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, А. Ю. Кастров, З. Н. Мехреньгина, Ю. И. Марченко, Е. А. Шевченко. М., 2008.

Усть-цилемская фольклорная традиция: Справочно-библиографическое мультимедийное издание / Авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар, 2013.

References

Afanas'ev, A. V., Kaneva, T. S. (2020). *Golosa nad Pechoroi: illyustrirovannaya antologiya ust'-tsilemskogo fol'klora*. Moscow.

Bunchuk, T. N., Il'ina, Yu. N., Kaneva, T. S., eds. (2021). *«Slova starinnye». Slovar' pizhemtsa Leonida Fedorovicha Solov'eva*. Syktyvkar.

Filin, F. P., ed. (1979). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Leningrad.

Dronova, T. I., Kaneva, T. S., Kochneva, T. A., eds. (2008). *Deti i detstvo v narodnoi kul'ture Ust'-Tsil'my: Issledovaniya i materialy*. Syktyvkar.

Kaneva, T. S. (1999). Ust'-tsilemskie predaniya ob Ivane, in: A. N. Rozov, ed. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Saint-Petersburg, 30, 423–430.

Kaneva, T. S., ed. (2008). *Traditsionnaya kul'tura Ust'-Tsil'my. Liricheskie pesni*. Moscow.

Kaneva, T. S., ed. (2013). *Ust'-tsilemskaya fol'klornaya traditsiya: Spravochno-bibliograficheskoe mul'timediinoe izdanie*. Syktyvkar.

Kaneva, T. S. (2023). Ust'-tsilemskie skazki ob Il'e Muromtse v ispolnenii M. A. Semenovoi na fone mestnoi traditsii, in: *Texts and History*, 3, 193–207.

Kaneva, T. S., Il'ina, Yu. N. (2012). «Poslovitsy i pogovorki» Marfy Anan'evny Durkinoi: ustnaya narodnaya slovesnost Ust'-Tsil'my v samozapisi ee nositelya, in: *Palaeoslavica: Mezhdunarodnyi zhurnal po issledovaniyam slavyanskoi srednevekovoi literatury, istorii, yazyku i etnologii*, 20 (2), 189–243.

Kaneva, T. S., Somsikov, R. A., Shomysov, D. I. (2016). Ust'-tsilemskie «lesnye» rasskazy (po materialam Fol'klornogo arkhiva Syktyvkarskogo universiteta), in:

Palaeoslavica: Mezhdunarodnyi zhurnal po issledovaniyam slavyanskoi srednevekovoi literatury, istorii, yazyku i etnologii, 24 (1), 190–231.

Kaneva, T. S., Shomysov, D. I. (2015). Ust'-tsilemskie rasskazy ob oborotnichestve (po materialam Fol'klornogo arkhiva Syktyvkarskogo universiteta), in: *Palaeoslavica: Mezhdunarodnyi zhurnal po issledovaniyam slavyanskoi srednevekovoi literatury, istorii, yazyku i etnologii*, 23 (2), 259–289.

Naumova, O. V. (2001). Ust'-tsilemskaya ispolnitel'nitsa M. A. Semenova: osobennosti repertuara i stilya, in: *Chelovek i okruzhayushchaya sreda. XI Komi respublikanskaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya obshcherossiiskim dnyam zashchity ot ekologicheskoi opasnosti: programma i tezisy dokladov.* Syktyvkar, 104–105.